

В таинственном пространстве сцены

— Покупая театральную программу, мы, рядовые зрители, прежде всего смотрим, «кто кого играет», затем — кто же постановщик, но редко обращаем внимание на фамилии художника-сценографа, художника по костюмам, гримера, звукорежиссера и других людей, чьими усилиями сотворен спектакль.

— Что ж, никакого секрета здесь нет. Имена наши, в общем, остаются «за кадром», но без взаимопонимания, организованности, контакта всех создателей спектакля он не состоится, да будет это известно зрителю, который не видит час на сцене. И если у спектакля успех — это всеобщая радость, и не беда, если имена наши для кого-то и не прозвучали.

Первый балет, над которым работала самостоятельно, — «Тщетная предосторожность», поставленный в Малом оперном театре Л. М. Лавровским. Пейзаж старалась писать в манере старых французских мастеров; цвета костюмов должны были контрастировать с цветами декораций. «Тщетная предосторожность», поставленная перед войной, помогла утвердиться в мысли, что балет — мое призвание.

— Вы пережили блокаду. Как вы работали тогда, когда не было ни красок, ни холста, ни тканей?

— Это трудные и горькие для меня, как для всех ленинградцев, воспоминания. Ушел добровольцем в народное ополчение и погиб под Ленинградом мой муж, умер от голода отец. А я работала — чтобы все вынести и выжить. Я была крайне истощена, но рисовала. С довоенных времен оставались краски, и я ежедневно брала в руки кисть. В основе тех зарисовок были блокадные впечатления, которые я набрасывала на листках блокнота — холста не было. Разрушенные дома, занесенные снегом трамваи, закутанные блокадные дети с грустными глазами... Когда впоследствии меня, ослабевшую от голода, эвакуировали в Пермь, блокнот этот, к великому сожалению, пропал. Теперь все блокадные эпизоды рисую по памяти.

После войны первый балет, который я оформляла в Ленинграде, — «Мнимый жених». Его содержание было далеко от пережитого нами. Но хотелось передать тогда настроение радости бытия, которое необходимо было людям в нелегкие послевоенные дни. Поэтому мы с Борисом Фенстером перевели на язык балета веселую комедию, несущую заряд бодрости и света.

— Есть ли среди балетных спектаклей самые любимые?

— Пожалуй, это «Эсмеральда» и «Золушка». В оформлении спектакля старалась быть лаконичной, ибо «Золушка» — поэма больших чувств и глубокой мысли, которую нельзя было портить излишней декоративностью. Не могу не отметить и последние свои любимые работы, сделанные для молодого и популярного в стране Московского классического балета, художественными руководителями которого являются Н. Касаткина и В. Ва-

силев. Это балеты «Волшебный камзол» (по сказке Гофмана) и «Весна священная» Стравинского. Театр много гастролирует по стране и за рубежом. Это усложнило мою задачу как художника: декорации следовало создать легкие, усилив нагрузку на костюмы. «Весна священная» дорога мне тем, что это балет о первом пробуждении гуманизма и больших чувств, на которые способен человек. В Греции этот балет показывали в развалинах Акрополя.

всегда праздник, и в этом особенность творчества народного театра. Этой особенностью была проникнута моя совместная работа с коллективом народного театра балета ДК имени Горького над спектаклем «Снежная королева», где нужны были декорации, подающие, а не поглощающие танцовщика. В «Снежной королеве» искала средства для выражения особенностей атмосферы зимней ночи, ледяного царства, теплого уюта сказочного городка, расцвета весны. Работа с этим народным театром — одна из самых больших радостей моей жизни.

— Что, на ваш взгляд, главное в работе театрального художника?

— Театральный художник — это не просто человек, умеющий рисовать, а человек, которому есть что сказать, сказать что-то свое, новое, самим увиденное в замысле автора и постановщика, которых тоже надо чувствовать, потому что, если режиссер задумал фарс, а я сделаю мелодраму, как вы понимаете, ничего из этого не получится. Театр — как оркестр, где у художника своя партия. Подобно тому, как актер сливается с героем, художник примеряет на себя его костюм, его переживания. Если этого не делать, рождается безликий спектакль.

— Вы из породы «однолюбов», работаете только для сцены?

— Я не очень люблю, когда меня называют только театральным художником. Охотно и с удовольствием занимаюсь и станковой живописью, и графикой. Правда, думаю, на всем этом лежит отпечаток моей любви к театру. Работаю я тяжело, с сомнениями, тревогами, перевожу массу чернови-

ков. — Вы прожили большую жизнь в искусстве. Поделись, чем сегодня вас радует современный балет?

— С середины 50-х годов наступил новый этап развития нашего балета. Усилился интерес хореографов и исполнителей к внутреннему миру человека во всей его сложности. Это потребовало от нас, художников, новых приемов. Всеми возможными живописными средствами надо помочь зрителю увидеть, прочувствовать современника.

— Каким видится вам зритель, который пришел на спектакль, созданный при вашем участии?

— Только не потребителем, обязательно соучастником того, что происходит на сцене.

— Вы одинаково удачно сотрудничаете с балетмейстерами-постановщиками разных поколений. Чем вы это объясняете?

— Ну, во-первых, очевидно, ко мне обращаются те, кого устраивает «мой почерк», поэтому легко находим общий язык, а во-вторых, я не принадлежу к числу «стариков», которые отвергают все современное. Бывает, что-то не нравится, не греет меня, но вижу, что это искусство, это мастерство, и не могу не признать этого.

Беседу вел
Л. БОГОПОЛЬСКАЯ

НАШИ СУББОТНИЕ ВСТРЕЧИ

**Наш собеседник —
театральный художник,
заслуженный деятель
искусств РСФСР, лауреат
Государственной
премии Т. Г. Бруни.**

— Помню, видела ваше имя в программке цирка.

— Ну, цирк — это особая страница в моей биографии. Цирк — это цирк! Попала я туда случайно: оформляла пантомиму на тему «Золотого ключика», а потом Н. Юрский и С. Рейден попросили оформить клоунаду и другие номера. Я охотно согласилась, потому что люблю юмор и клоунада Вяткина, Енгибарова, Никулина близка мне. Главное, к чему стремилась, создавая цирковые костюмы, — избежать крикливой помпезности. Хотелось привить цирку своеобразную академичность, хороший вкус. Ведь иной раз «романтичность» циркового костюма видят в блестях, аляповато нашитых на костюм.

— Мне довелось увидеть «Снежную королеву» в исполнении народного театра ДК имени А. М. Горького в вашем оформлении, хотя нередко клубная сцена подчас отступает художников с именем.

— Работа для самостоятельных коллективов всегда привлекала меня. Стараясь в самостоятельности делать все на уровне профессионального театра. В народном театре спектакль — любимое дитя коллектива. И хочется сделать все для этих людей, у которых после нелегкого рабочего дня начинается вторая смена — в театре. Спектакль для них —